

Олег Охалкин

С Т Е Х И 1978 - 81 гг.

СЕМЬ ПЕСЕН ЕДИНОЙ ПЕСНИ

Душа моя изыде в слово его.

Песнь Песней

1.

Развилася душа, как превле свиток
В руках у растворенной Суламиты,
И письмена горят, Любовь моя!
Тебе, одной тебе грез преизбыток!
Смотри, насколько мы с тобою слиты;
Не различу, где ты, где мы, где я,

Твои уста — уже мои глаголы.

Объятья — плен языческой Валгаллы,
И вся ты — необъятность всех имен,
Какими человек венчает долы,
Моря и реки, небеса, прогалы,
Холмы и дали, глубину времен.

И звезда вся Необозрима бездна,
Меж нас вися, сжимается издохом,
В котором эта речь помещена.
И что мне в том, что жадость безвозмездна,
Когда одним твоим лишь цивным вздохом
Я называю жизни имена!

2.

Един Господь. Един и человек.
Ты предо мной, любовь моя, развита,
Как свиток Песни Песней — Суламита.
И это я. Да сбудется навек!

Приди! Гортань моя тебе открыта
Алтарным сводом. Слово издохней!
И вознеси горе сад алфавита,
О, альфа и омега, *alma vita*,
Златого семисвящника огни!

Душа моя, душа твоя прекрасна!
И это я? Каков же наш Господь,
Когда глаголом стала тварна плоть,
И мощь ее в твореньи не напрасна!

3.

Прильни ко мне, о счастье, Суламита!
Я – речь твоя, изустная хвала
Устам твоим, но иною не испита
Мх чаша, что для нас одних налитой
Амбrozиил еще не пролила.

Так поднеси ее! Палимый даждой,
Я жду, исполнен слова и дождя.
И на моем челе из тучи каждой
Готово полыхнуть,, настолько стражу
Я по тебе, разряпами грядя.

Я – речь твоя. Ты – песнь моя. И оба
Мы – устье двух потоков, слитный ток.
И в нас отражены все звезды неба,
Сопряжены Эдема и Эреба
Всемирные струи, речей восток.

Так слушай же, внимли, о Суламита!
Я – речь твоя, грозовый аквы грозд.
О, как нежна! О, как же пламенита!
Которая из них твоя ланита?
О, как же я перед тобою прост!

4.

Душа твоя в моем едином слове.
Войду в нее, и вострепещет вся.
Ты – песнь моя, и, душу вознеся,
Жизнь прелестью пресуществляешь внове.

Дыхание, пчела, о Суламита!
Не Соломон – язык его поет,
Амбrozия и язы алфавита
В гортани всеславянского пицта,
Сложившийся и правселенский мед.

Смесилась речь с тиханием, и песнью
Исторгнута гордая хвала,
И расточилась вдруг уже не в песне,
Но в братнюю привязанность, и спесью
Уже с тех пор язвима не была.

Смирилася семитская гордыня
И в слове русском выструилась мне,
И с греческою лирой наравне
Передо мной бесенует отныне.

О, Суламита! Как растворена
Душа твоя! Как мысль моя пьяна!
Как я люблю тебя, о, Суламита!
Как песнь моя тобой распалена!

5...

Войду к тебе, и мощью первобытной
Дохнет в лицо душа твоя навстречь,
И образ твой, с мечтой моей слитный,
Пройдет меня оружием, как меч.

И, поражен, воскликну: "Аллилуйя!
Прекрасна ты! Божествен этот мрак!
В нем от страданья к счастью только шаг
Но страшен сдвиг за шаг по поцелуя.

Какая тьма в глазах моих клубится!
Любовь моя! Ужасен этот смерч,
В котором ты, как в море голубица,
Какой меня преобразует в речь."

6.

О, песнь моя! Завихренная роза!
Ты - выдох вся, и тут же долгий вдох.
Вся - воздух, трепет вся, простоволоса.
Тебя вдохнул в меня никто как Бог.

Дыши во мне, душа, о, Суламита!
Пьяни, пения и пенься через край!
Вся плоть моя, вся жизнь тебе открыта,
Лишь этой розой надышаться дай!

7.

Распniся, жено, пречо иной, развейся
Душой моей и насыщаться дай ..
Тобой, однай тобой, но оправдай
И эту плоть мою, и мощью в жили влейся!

Я – твой певец, хвала твоя, певец,
Хвала твоя, и эта аллилуйя –
Лишь ты сама во власти поцелуя,
И в нас поет незримый нам творец.

1973

* * *

Как светлый облак, явлен на Фаворе
Ученикам Твоим,
Ты облаком покресь лес и море,
Туман и дым,

Весь этот мир и августовский тесный
Немирный круг:
Палящий день и мрак ночной окрестный,
Холмы и луг,

И все черты пропавшего ландшафта,
И сам Фавор, ..
И все, что мы должны увидеть завтра;
Земной собор,

Обедню золотую звезду и солнца
При утренней луне,
Когда твой образ таинственный в сердце
Позволит вновь преобразиться мне.

1974

МУЗА

Что сделал я тебе, чержава?
Мой путь среди твоих путей.
Но где свобода, гений, слава
Тобой зачущенных детей?

В каких столах первопрестольных
Они по гроб погребены?
Что — звоны песен алкогольных?
Что — наши творческие сны?

Куда ж нам плыть? Не к Магадану ж!
Еще чего! Ужели в Рим?
Что — наша Муза? Ужели замуж
Пойдет под грохот кулеврин?

Нет. Неподкупною дорогой,
Сто раз охаянная, вновь
Она с котомкою убогой
На твой костер пойдет, любовь!

А грохот пущек отдаленный
Бе уход предзвествит.
И этот отых мой очервленный
В ее ладони заблестит.

Вот что наделала ты, сила!
Взгляни на горький сей стигмат!
Но что прощенье воскресило,
Скорбящая сплачет Мать.

1975

* * *

Бывает, музыка щокнет,
И несбытными крылами
Повеет ужас, будто пламя
Иль, сердце жгущий, жгучий лед.

Бывает, возведется круг
Бушующей в душе тревоги,

И ты под Богом, с Богом, в Боге
Молчишь и Слово слышишь вдруг.

То — музыка, ее крыла,
Сама возгужная стихия,
Но что со мной? Пиши стихи я,
Душа бы в муке умерла.

Но я молчу, и сердце рвет
Победного молчанья сила.
О, если б рифма возносила,
Какой бы я свершил полет!

И вдруг возносит. Но куда?
Кто скажет мне: "Прерви пытенье!"
Да хоть наручники наденя я...
Из сердца хлынет кровь — руда.

И что же я в подобный мир?
Эол, или арфа лишь Эола?
Когда б, не ведая Глагола,
Я вдруг оглох, но бьет родник.

То — сердца ключ. Неистов, тих,
Он все во мне переполняет,
И глубь дожнувшая роняет
Уже самой стихии стих.

Куда влечет меня? Нет силы
Сдержать духостремленье высpry.
И, точно вихрь летучих искр,
Мученье бездну расцветило.

И все, что было сожжено,
Воплощено опять в молчанье,
Как будто муке за плечами
Вернуться в душу суждено.

1976

СНЕГОВОЕ БЕССЛЕДЬЕ

Над Невою не ветер дует —
Млечный дуть, звездотечный сон.
День за днем Петербург пустеет.
Небесами плывет Харон.

В тихой барке с шестом высоким
По середи студенистых звезд
Приближаются наши сроки —.
Судьбы сырых безвилных мест.

Над Фонтанкою серп гуляет,
Многоцветный играет луч.
Зимний Сириус раскаляет
Серебристое пламя туч.

Месяц, месяц, Харона барка,
Легкий, трепетный свет огarkа
И над Мойкою, Пряжкой вслух
Шепчет снежистый мерзлый пух.

Кто его разберет! Бормочет,
В белых прорисях беглый почерк.
Но фонарь освещает лишь
Снеговое бесследье, тишь.

1977

ВСЕМИРНАЯ ЛИРА

Я не видел ни Рима, ни Мальты,
Ни Египта, ни древних Афин,
Но в душе будто камушки смальты,
Златокрылый сиял Серафим.

Будто храм возносился Софийный,
И в алтарной аψиде его
Финиам голубой и обильный
Оклублялся чела моего.

И струями огня и бензой
Глубь пущи — пыль капельницы той,
Орошенной молитвы слезою,
Мне пытала во мгле золотой.

И, дыша синевой Византии,
Грудь моя, будто клекот орла,
Клекотала, и звезды светили
Из отверстого неба жерла.

Возвещенной горе базиликой
Православная пела пуша,
И в предчувствии чести великой
Исчезала, себя сокруша.

И вздыхая древней Моисея
Над возвышенной маковкой Крест.
Пусть и Новый Израиль рассеян,
Мне славянских достаточно мест.

Я не видел ни гор Палестины,
Ни Афона, ни старых святынь,
Ни железных мечей филистимлян,
Не учил ни иврит, ни латынь.

Но во всей полноте Богоданной
Мне звучала церковных стихир
Благодатная лира бездонной
И премирий Святыни бесстопной,
Как елей умирющей мир.

1978.

Загадочной, тягучей, молчаливой,
Из ночи в ночь навеянной чредой
Летучие виденья мглы пугливой
В ином часу сгущаются белой.

Как будто гипнотическим внушеньем
Из темноты душа отягчена,

И жизнь ее в мгновенье сгущена
И угрожает гибельным крушением.

Но, взглянувшись пухом в глубину,
Я прекращу неведомые токи
И светлый день пред Богом помяну,
Чтоб отшел гипнотизер жестокий.

Пустыннический опыт говорит:
"Не прекращай молитву в миг унылый!
Лампадой к Богу свет ее горит.
Лишь в том лuce ты пресясан силой."

1979

Тревожно светит полная луна.
Подночное, морозное затишье.
Печаль в душе таинственно сильна,
А время надо льдом все неподвижней.

Как бы застыл незримый тайный ток.
Но грусть ежемгновенно истекает,
И в сердце растворенный холодок
Безмолвно громоздится пустяками.

Но темень надо льдом большой реки
Становится все тише и сгущенней,
Хоть водоток затишью вопреки
Сдвигает каждый миг, тоской смущенный.

И все же камнеет и в струе
Подледное застывшее мгновенье,
И музыка все тише и стройней
Мне снится, а печаль - все откровенней.

И образы, насладившись на
Уснувшую сновидческую душу,
Из-подо льда не выглядят наружу,
Как будто жизнь - речная глубина.

И все светлей виданье при луне,
Все прозрачней в душе, и все прозрачней.
Быть может, солнце дайно светит мне
На самой темной сердца стороне,
Где сны тревог таинственно невзрачны.

Но тишина глубинная темна,
И нет морозней полночи сознанья,
Печально светит полная луна.
Душа тоской тревожно пленена,
И тайне сердца не найти названья.

1980

В душе — молчание и тишина, и тайна.
И снег на воздухе, и в Небе — новизна,
И снегоносный облак де случайно
Покрыл мне голову и душу опознал.

Откроюсь Господу как дод єпитрахилью,
И в небо снежное всю душу изолью;
Прости мне жизнь мою, и в ней сполна Россию,
Что долей русской терзаюсь и пою.

Ты дал мне грустную судьбу и жизнь, и душу,
И нет во мне иного — только твой
Страданья дар, дарованный к тому же
Как радованье; плачь, рыдай и пой!

Во исповеданье и в покаянье
Ты подарил мне родину мою,
Очисти душу мне, изми из обаянья
Греховного! Что принял — отдаю.

Я жадно жил и суетно, и грязно,
И мне открылась в небе чистота.
Прости мне русский каверзный и праздный
Простор. Мне снится родина не та.

Я возжелал ее. Небесная Россия,
Как мне узнать дорогу в ту страну!
Еще живое совершу усилие,
И к тверди всей душой навек прильну.

И снежистою мглою осиянной,
Смеркается в пуще вишенья чень,
И облегчается со мглою неслыханной
Свет внутренний таинственных идей.

И тихо, тихо так. И упованье
От Господа является, и мир,
И мне доступно таянье и тайна,
Как будто взят я воздухом в эфир.

1981